

—

III.

Поместье семьи Се находилось в двадцати ли от города Цзиньлин.

Покинув походный дворец, четверо всадников на трех лошадях стремительно неслись по притихшему загородному тракту.

Примерно через две четверти часа впереди забрезжил свет огней и показались смутные очертания усадьбы.

Се Чэньюнь принялся, и лицо его мгновенно изменилось:

— Запах крови...

Всадники тут же пришпорили коней.

И в самом деле, едва приблизившись к главным воротам поместья, Се Чэньюнь увидел, что те самые покрытые красным лаком ворота с медными кольцами, которые обычно были наглухо заперты, теперь распахнуты настежь.

По обе стороны от карниза ворот раньше висели два огромных фонаря; теперь один из них валялся на земле и горел сам по себе, хотя ветра не было.

Вокруг ворот и на самом пороге в лужах крови навечно застыли тела нескольких охранников в одеждах семьи Се.

Лицо Се Чэньюня в миг стало мертвенно-бледным. Он спрыгнул с лошади и бросился внутрь поместья:

— Минкун!..

— Госпожа Шэнь! — Тан Шэн и Сыту Фэн переглянулись и тоже поспешно вбежали в дом.

Гу Сьюань остался сидеть верхом на коне у темного входа в усадьбу в окружении трупов. Ситуация была вполне в духе фильмов ужасов.

Однако...

Он слегка приподнял взгляд и негромко хлопнул в ладоши.

С верхушек густых деревьев неподалеку мгновенно и почти бесшумно спрыгнуло несколько черных теней. Подобно призракам, они пали на колени у ног Гу Сьюаня.

Все они были одеты в одинаковые черные одежды — это были теневые стражи императорской семьи династии Великая Чжоу.

Из памяти прежнего владельца тела было известно, что хоть тот и слыл бестолковым тираном, предки оставили ему богатое наследство. Блестящий легион теневых стражей, оставленный покойным императором, был частью этого наследия.

Теневых стражей отбирали и обучали специально назначенные люди; каждый из них был мастером, способным в одиночку противостоять десяткам и сотням врагов, и подчинялись они только Сыну Неба.

Раз уж он сегодня тайно покинул походный дворец, эти стражи неизбежно последовали за ним для личной охраны.

Гу Сьюань сухо приказал:

— Скрытно займите позиции вокруг двора. Ждите моего знака, чтобы спасти людей или... убивать.

— Слушаемся! — хором отозвались тени.

Тем временем Се Чэньюнь, миновав ворота, увидел, что внутренний двор залит светом огней и забит людьми — их было не меньше сотни.

Прямо посреди дороги стояло кресло тайши, в котором восседала неопишуемой красоты девушка с порочным, зловещим взглядом.

По обе стороны от нее стояли воины в одеждах Управления Цинли. Там же были связаны двое молодых людей — парень и девушка, к чьим шеям были приставлены острые клинки. Это были Се Минкун и Шэнь Лошуан, оставшиеся в поместье Се.

Увидев старшего брата, Се Минкун тут же скорчил горькую мину и вскрикнул:

— Брат, я потянул за собой всю семью...

Если бы не друзья, которых он привел с собой, с поместьем Се всё было бы в порядке, и оно никогда не оказалось бы втянуто в эту смуту.

Се Чэньюнь ничего не ответил. Его взгляд застыл, изучая ту, кто явно была зачинщицей всего этого.

Хотя он не был близко знаком с Сунь Яньянь, она всё же была подругой его младшего брата и прожила в их доме несколько дней, так что он легко её узнал.

Он холодно спросил:

— Госпожа Сунь, что это значит? Почему вы бесчинствуете в моем поместье?

Сунь Яньянь мельком взглянула на него:

— К твоей семье это не имеет отношения.

Вошедший следом Тан Шэн, увидев Сунь Яньянь, изменился в лице:

— Яньянь?

Сунь Яньянь тут же вскочила с кресла и с сияющей улыбкой произнесла:

— Брат Тан, ты вернулся?

Встретив ее столь радостный и восторженный взгляд, Тан Шэн почувствовал, как его гнев и

тревога невольно утихла наполовину. Он лишь беспомощно спросил:

— Яньянь, что ты задумала?

Сунь Яньянь принялась рассеянно наматывать на палец прядь черных волос, ниспадавших на грудь, и обиженно пожаловалась Тан Шэну:

— Я пришла за тобой, но эти люди вознамерились мне помешать. Мне пришлось их убить.

— Яньянь... — Тан Шэн тяжело вздохнул, на мгновение задумался и добавил: — Тогда зачем ты схватила брата Се и госпожу Шэнь? Немедленно отпусти их.

— Если я их отпущу, брат Тан, станешь ли ты меня слушать? — Сунь Яньянь покачала головой, её глаза наполнились слезами, и она с бесконечной преданностью посмотрела на него. — Брат Тан, я признаю, что обманывать тебя было некрасиво с моей стороны, но я уже поняла свою ошибку. Раз мы искренне любим друг друга, зачем нам так мучить друг друга?

Тан Шэн смотрел на её прекрасное бледное лицо. Они не виделись всего день, а Сунь Яньянь уже выглядела довольно измождённой.

В его сердце шевельнулась жалость. Он подумал: «Пусть Яньянь во многом неправа, но её чувства ко мне истинны. Иначе она не стала бы так отчаянно возвращаться в поместье Се и специально сохранять жизнь госпоже Шэнь и брату Се».

Сунь Яньянь снова позвала:

— Брат Тан...

Тан Шэн инстинктивно сделал несколько шагов вперед, протягивая руки, словно желая обнять её:

— Яньянь.

Увидев это, Се Чэньюнь мгновенно похолодел.

— Похоже, вы двое решили превратить мое поместье в место для милований? Любовные признания на куче трупов — ваши вкусы поистине вызывают восхищение.

В это время заложница Шэнь Лошуан тоже отчаянно крикнула Тан Шэну:

— Брат Тан, нельзя больше верить словам этой ведьмы!

В голове Тан Шэна загудело, он замер на месте, словно только сейчас осознав, что находится в разгаре смертельного противостояния. Он со смущением оглядел присутствующих.

Заметив это, Сунь Яньянь бросила на Шэнь Лошуан мрачный взгляд и холодно приказала стоящему рядом подчиненному:

— Ступай и вырежи язык этой женщине по фамилии Шэнь.

При этих словах Тан Шэн резко изменился в лице. Хотя он всё еще не мог забыть Сунь Яньянь, Шэнь Лошуан тоже была ему дорога. Он поспешно вмешался:

— Стой! Яньянь, не делай этого.

Сунь Яньянь разозлилась еще больше. Она уставилась на Тан Шэна своими красивыми глазами:

— Брат Тан, если ты сегодня согласишься уйти со мной и собственноручно изуродуешь лицо этой женщины, сегодняшнее дело на этом закончится.

Тан Шэн широко раскрыл глаза, не веря своим ушам:

— Яньянь, госпожа Шэнь ничего не сделала! За что ты так с ней?

Сунь Яньянь топнула ножкой и капризно бросила:

— Она любит тебя, а мне это не нравится.

Тан Шэн с облегчением вздохнул и, не зная, плакать ему или смеяться, принялся уговаривать:

— Яньянь, не капризничай! Прикажи своим людям отпустить госпожу Шэнь и брата Се. Давай присядем и всё спокойно обсудим.

Сунь Яньянь решительно покачала головой:

— И не подумаю.

Стоящему в стороне Се Чэньюню надоело смотреть на их заигрывания. Он надеялся, что Тан Шэн сможет убедить эту ведьму отпустить его брата, чтобы избежать лишних жертв. Но теперь стало ясно, что всё это — пустая трата времени, и ему просто пришлось бесплатно посмотреть на спектакль в исполнении пары безмозглых голубков.

Он поднял длинный меч и направил острие на Сунь Яньянь, холодно произнеся:

— Что ж, я тоже не намерен договариваться. Сегодняшнее дело так просто не закончится.

— Хорошо, очень хорошо! Вы все тут такие гордые, да? — Сунь Яньянь была в ярости от того, что Тан Шэн не слушается, и видя, что Се Чэньюнь не поддается на угрозы, злобно приказала своим людям: — Слушайте мою команду! Сейчас же прикончите этих двоих!

Сказав это, она торжествующе расхохоталась, словно уже видела страдания Се Чэньюня и Тан Шэна.

— Вопросы жизни и смерти срываются с твоих губ так легко, — раздался у ворот двора холодный мужской голос.

Се Чэньюнь поднял голову.

Там стоял Гу Сьюань. Огромный фонарь над его головой заливал его светом, и в этом сиянии он казался солнцем, разгоняющим ночную тьму.

Только сейчас Се Чэньюнь вспомнил, что оставил величественного императора одного снаружи.

— А ты еще кто такой? И с какой стати мне тебя слушать? — Сунь Яньянь увидела, что Гу Сьюань выглядит весьма статно, и неожиданно для себя решила удостоить его ответом. Она указала на трупы охранников Се и усмехнулась: — Они только что пытались указывать мне, и я всех их убила. Судя по твоему виду, ты человек непростой, и жизнь твоя стоит дороже, чем у

этой охраны. Так что цени её и не лезь не в свое дело.

Гу Сыюань стоял, заложив руки за спину, с абсолютно бесстрастным лицом:

— В этом мире нет дел, в которые я не мог бы вмешаться.

Едва затихли его слова, как в тишине двора раздались два последовательных глухих удара.

Двое воинов Управления Цинли, удерживавших Се Минкуна и Шэнь Лошуан, одновременно вскрикнули и, потеряв равновесие, повалились навзничь. Из их спин торчали оперения двух глубоко вошедших стрел.

Окружающие ахнули.

Только сейчас люди заметили, что на стене поместья Се, словно из ниоткуда, бесшумно выросли фигуры в черном — и каждый из них держал наготове длинный лук с наложенной стрелой.

Се Минкун и Шэнь Лошуан, будучи людьми неглупыми, мгновенно воспользовались тем, что их больше не удерживают, и со всех ног бросились к Се Чэньюню.

Длинный меч в руке Се Чэньюня дрогнул, и серебристо-белый клик прочертил в ночном небе прямую линию, отсекая путь воинам Управления, которые попытались было броситься в погоню.

Тан Шэн и Сыту Фэн тоже не стали тратить время на лишние слова. Собрав внутреннюю силу, они вступили в бой, нанося сокрушительные удары.

Мастерство воинов, пришедших из Управления, не шло ни в какое сравнение с техникой Се Чэньюня и его спутников. Теперь, когда враги лишились заложников и возможности угрожать, друзья сражались в полную силу, не сдерживая себя.

К тому же им помогали стрелки в черном, которые со стен вели прицельный огонь, прикрывая их на расстоянии.

Вскоре исход сражения был предрешен.

Несколько десятков воинов Управления были либо схвачены, либо убиты на месте.

Сунь Яньянь стояла посреди двора, её лицо было смертельно бледным, а тонкое тело мелко дрожало.

Тан Шэн, глядя на неё, не выдержал. В его сердце шевельнулась жалость. Он коснулся её волос и с легким вздохом принялся уговаривать:

— Теперь заложников у тебя нет, и твои люди схвачены. Не капризничай больше так впредь. Уходи. Просто уезжай отсюда.

В глазах Сунь Яньянь заблестели слезы. Она бросила на Тан Шэна глубокий взгляд и, словно провинившийся ребенок, опустила голову. Повернувшись, она медленно направилась к выходу из усадьбы.

Присутствующие провожали её взглядами со смешанными чувствами.

Шэнь Лошуан открыла было рот, но промолчала.

Сыту Фэн просто закрыл глаза.

— погоди! — раздался голос, пропитанный беспредельным холодом.

Се Чэньюнь в упор смотрел на Сунь Яньянь:

— Ты думаешь, что можешь вот так просто уйти?

— Брат Се... — Тан Шэн слегка нахмурился и посмотрел на Се Чэньюня. — На этот раз Яньянь просто потеряла голову от чувств. В конечном счете, это произошло из-за меня. Брат Се, ради нашей дружбы, давай не будем раздувать это дело.

— Твоя «дружба» чего-то стоит, а жизни других людей — нет? — Лицо Се Чэньюня было суровым как никогда. — Она пыталась отравить моего брата, убила столько людей в моем поместье... и теперь хочет так легко и красиво уйти? За кого ты принимаешь мою семью и за кого ты принимаешь меня, Се Чэньюня?

После этих слов, не оставлявших пути к отступлению, лицо Тан Шэна стало мрачным.

Он глубоко вздохнул и обернулся к Се Минкуну, который только что принял противоядие и теперь сидел в кресле, приходя в себя:

— Брат Минкун, ради наших добрых отношений, прости Яньянь еще раз. Она всего лишь юная девушка с непростым характером, она больше так не будет.

Се Минкун поднял голову и спокойно посмотрел на Тан Шэна:

— Брат Тан, до того как ты произнес эти слова, между нами действительно были хорошие отношения.

Глаза Тан Шэна блеснули:

— Брат Минкун, что ты имеешь в виду?

Се Минкун тихо произнес:

— Мы друзья, и потому, даже зная, что Сунь Яньянь пришла в поместье творить зло именно из-за тебя, я ни разу тебя не упрекнул. Я винил только себя: когда ты вчера решил отпустить её, мне следовало настоять на своем и помешать тебе. Тогда сегодняшней беды в поместье Се не случилось бы.

— Брат Тан, я не считал, что ты совершил большую ошибку, когда тебя обманывала Сунь Яньянь, когда она преследовала тебя или когда ты отпустил её вчера из милосердия к прошлому. Мягкосердечие — это не преступление. То, что тебе не повезло встретить такого злого человека — тем более не твоя вина. Раз я искренне считаю тебя другом, я не должен винить тебя, напротив, я должен всячески тебе помогать.

После этих слов все присутствующие были тронуты до глубины души. В этом мире полно людей, которые при любой проблеме спешат переложить ответственность на других.

В момент опасности даже муж с женой порой разлетаются в разные стороны, что уж говорить о друзьях, знакомых всего пару месяцев.

То, что такие слова произнес юноша семнадцати-восемнадцати лет, заставляло смотреть на него с искренним уважением.

— Брат Минкун... — Выражение лица Тан Шэна стало весьма неоднозначным.

Он и не подозревал, что Се Минкун, который в его глазах был лишь богатым бездельником, сорящим деньгами, умеет так красиво говорить.

Тан Шэн почувствовал себя так, словно его внезапно вознесли на пьедестал. Если сейчас он скажет или сделает что-то не то, все присутствующие могут начать презирать его.

— Но теперь, видя твою реакцию и то, как ты поступаешь, я понимаю: я ошибался. Сунь Яньянь вовсе не навязывается тебе в одностороннем порядке. Брат Тан, тебе ведь чертовски нравится её внимание, не так ли? Иначе как бы ты мог раз за разом терпеть её выходки? Как ты можешь после того, как она убила столько людей, после того, как она отравила меня и госпожу Шэнь, и даже после того, как она только что лично приказала своим людям нас убить — как ты можешь так хладнокровно считать, что это «просто порыв»? Ты готов снова отпустить её, даже не потребовав никакой платы за содеянное.

Се Минкун смотрел на него в упор, и его голос внезапно стал ледяным:

— Вы двое — два сапога пара. Идеальный союз двух ничтожеств.

Во дворе стало еще тише, словно после окончания спектакля в пустом зале.

— Хлоп-хлоп... — звуки негромких аплодисментов нарушили эту тишину.

Гу Сьюань стоял у входа, заложив руки за спину. Он слегка кивнул Се Минкуну:

— А у тебя, малыш, есть голова на плечах. Сказано верно.

— ... — Се Минкун. Что это за похвала такая?

— ... — Се Чэньюнь. Тебе самому едва двадцать, с чего это ты называешь моего брата-близнеца «малышом»?

Лицо Тан Шэна стало неопишимо мрачным, кулаки крепко сжались. Вся эта прочувствованная речь Се Минкуна, оказывается, была нужна лишь для того, чтобы возвысить себя и оскорбить его. А он-то, дурак, еще успел растрогаться.

Впрочем, так даже лучше — теперь у него не осталось никаких моральных преград.

Сунь Яньянь тоже капризно хмыкнула и, вцепившись в рукав Тан Шэна, надула губы:

— Вот видишь! В итоге только я предана тебе всей душой. А эти так называемые друзья — стоит делу коснуться их самих, как они тут же меняют лицо и знать тебя не желают.

Она была красавицей, и даже в такой момент её неуместная капризность и подобные слова не раздражали Тан Шэна, а напротив, казались ему утешительными.

Тан Шэн накрыл её ладонь своей и нежно сжал, успокаивая:

— Не бойся. Пока я здесь, никто не посмеет тебя тронуть.

Он говорил это с полной уверенностью. Хотя он получил половину свитка «Первозданного искусства Неба и Земли» всего несколько месяцев назад, его внутренняя сила выросла до невообразимых высот.

Среди всех присутствующих только Се Чэньюнь мог бы составить ему конкуренцию. Однако при выходе из походного дворца Се Чэньюнь был ранен Вэй Фэном, и теперь Тан Шэну вообще не о чем было беспокоиться. Можно сказать, сейчас он был сильнейшим мастером здесь.

Тан Шэн глубоко вздохнул и посмотрел на Се Минкуна:

— Брат Минкун, раз уж ты так давишь, мне нечего объяснять. Мне действительно очень жаль, что всё это произошло в поместье Се. Но Яньян — моя любимая женщина, и я не могу просто стоять и смотреть, как с ней что-то случится.

— Не можешь просто смотреть? А на земле перед тобой сейчас лежат не груды камней. Разве все они не были живыми людьми?

Гу Сьюань вышел из круга света в центр двора. Его взгляд, устремленный на Тан Шэна, стал предельно глубоким:

— В отношении тех жизней, что погубила твоя любовница, твой тон и твои действия должны быть гораздо более серьезными и искренними. Пустые оправдания и легкое «извините» — этого абсолютно недостаточно.

— Раз пролилась кровь — её нужно смыть кровью. Раз отнята жизнь — за неё нужно заплатить жизнью.

После этих слов во дворе воцарилась мертвая тишина.

Но длинный меч в руке Се Чэньюня уже поднялся.

Се Минкун, бледный, тоже встал с кресла.

— Мы, братья, сегодня просим тебя, брат Тан, показать своё хваленое мастерство.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281655>